сом. Борис и Глеб едут рядом на конях, воинственно ступающих в'ногу. Братья, как обычно, облечены в обыкновенные русские княжеские одежды, на конях богатый убор — все верно и внимательно изображено художником. В их лицах, переданных приемами, близкими к византийской живописи того времени, т. е. с резким сопоставлением света и тени, через условные черты все же проглядывают особенности русского типа, особенно в лице Бориса. В колорите, хотя и несколько темном, чувствуется бодрое и интенсивное звучание цветов — красного, красноватожелтого, зеленого, темносизого, обычных для русской живописи. 1

Между братьями как будто идет беседа. Глеб обращается к Борису, который, глядя вдаль перед собой, внимательно его слушает. В договорах князей и их речах выражение «сесть на коня» означало начать войну, за чем обычно следовало условие о взаимной помощи: «то и ты, брат мой, тоже должен сесть на коня». Вполне очевидно, что подобная икона как бы призывала князей последовать примеру Бориса и Глеба, устранившись от раздоров, в братолюбии помогать друг другу и, если нужно,

дружно и воинственно выступать против врага.

Изображения Бориса и Глеба не редки в XIV столетии. Ко второй половине этого столетия относится икона Бориса и Глеба с житием из Коломны (хранится в Гос. Третьяковской галерее). Братья (рис. 1, 2) даны стоящими рядом с мечами и крестами в руках, т. е. в образе мученическом. Если сравнить их лица с изображенными на только что описанной иконе 1340-х годов, то мы увидим, что в них гораздо ярче отражена типично русская красота. Они русы, их глаза больше и прозрачнее, носы прямые. Живописные приемы иные. Лики лепятся мягко с постепенным переходом от тени к свету, краски вместо плотных и густых мазков жидко и прозрачно кроют поверхность.

К эпохе, непосредственно примыкающей к Куликовской битве, т. е. к концу XIV века, относится икона Николы и Георгия московской школы, хранящаяся в Русском музее. Георгий дан в виде стройного юного воина. Его оружие и воинские доспехи с любовью и вниманием изображены художником. В его руках тяжелый меч и тонкое копье. Несмотря на юность, воин имеет мужественную и внушительную осанку. В лице, строгом и нежном, отражена сосредоточенная углубленность в свой внутренний мир и непреклонная решимость (рис. 3). Он смотрит в сторону и не общается со эрителем, в нем чувствуется некоторая отчужденность и одиночество героя. Это лицо человека, видевшего перед собой смерть и снова находящегося в полной воинской готовности. Когда смотришь на его фигуру с широким разворотом плеч и сильными ногами, приходят на память образы воинов XI—XII веков. В живописных поиемах этого памятника отсутствуют черты палеологовской манеры. Он стоит свободно, но прямо, не изгибаясь. Переходы от тени к свету мягки и постепенны, только более определенно, чем у Бориса и Глеба из Коломны, лепится объем. Краски светлы и прозрачны, киноварь плаща сочетается с зелеными, желтыми и коричневыми тонами. Все изображение выступает в ясном ровном освещении, при котором все детали доспехов и вооружения ощутимо выявляются. Повидимому, мастер внимательно вглядывался в художественные приемы живописи далекого прошлого и лики древних икон, стараясь понять их выражение. Давней воинской культуре русских и обаянию образов героического прошлого для художника конца XIV века обязан этот воин некоторой тяжеловесностью своей фигуры, решительностью взгляда и естественной непринуждеч-

¹ Г. В. Жидков, ук. соч., стр. 54—57.